

моему примеру, а Макс очень неохотно влез-таки на козлы. Допотопный дилижанс, вероятно, возил когда-то Жорж Санд и Шопена и героев А. Дюма и множество раз был описан в романах с разбойничьими приключениями. Запряжен он четырьмя длинноухими мулами, кучер с длинным кнутом потеснился, чтобы Макс его не раздавил. Дорога спускалась зигзагами с гор, и Макс сравнивал ее красоту с Кавказом, отдавая преимущество величине последнего.

Быстро домчали нас мулы до железнодорожной станции, а поезд - до Барселоны. Опять Макс вошел в роль гида, и пошли всякие курьезы... Никогда, ни с кем я так весело не путешествовала... Макс находил, что богатые люди ничего самого интересного не замечают¹⁰⁷: их водят по шаблону. Дорогие отели всюду на один лад, еда тоже. И он был прав.

В Барселоне впервые смотрели бой быков¹⁰⁸. Сперва жутко, отвратительно, потом захватывающе интересно и поразительно красиво... Макс торопит на Майорку¹⁰⁹. Ночь на палубе парохода. Сон на свернутых канатах. Пальма красивый городок. Едем в Вальдемосу. Оливковые рощи, причудливые стволы на красной земле. Картуша (Монастырь), где жили Жорж Санд и Шопен, занят дачниками. Заходим в таверну. В нашу честь устраивается бал. (Тема стихотворения Макса "Кастаньеты".)

Вскоре Макс покидает нас и устремляется на юг Испании в самое пекло, в чем и раскаивается. Вновь соединяемся в Мадриде, который недаром зовется сковородой Европы, ходим по пустынным улицам, не признавая сиесты, и спасаемся в подземных кафе. Посетив Толедо, возвращаюсь в Россию.

Екатерина Бальмонт РЕДКО КТО УМЕЛ ТАК СЛУШАТЬ, КАК ОН

Имя Макса Волошина я услышала впервые от Бальмонта. Он писал мне из Парижа осенью 1902 года, что познакомился в Латинском квартале (кажется, на одной из своих лекций) с талантливым художником М. Волошиным, который "и стихи пишет". В каждом письме похвалы ему возрастали. Бальмонт, видимо, заинтересовался и привязался к Максиму. Он писал, что они много бывают вместе, бродят по городу, Макс показывает ему уголки старого Парижа, доселе ему не известные. Писал, что разность взглядов и вкусов - Макс принадлежал к латинской культуре, изучал французских живописцев и поэтов, а Бальмонт был погружен в английскую поэзию, переводил Шелли, изучал Э. По - не мешали их сближению. К сожалению, я не могу привести подлинных слов Бальмонта из его писем, - слов нежных и восторженных о Максе: письма эти погибли на нашей парижской квартире во время войны 1914 года. Бальмонт писал мне очень часто, но в его письмах не было ничего фактического, это были или стихи, или мимолетные впечатления от книг, природы и встреч. О людях - мало, и по тому, что о Максе было сравнительно так много, я заключила, что эта

¹⁰⁷ 90 Еще в "Журнале путешествия", который Волошин вел в 1900 году, он полушутя писал: "В путешествии не столько важно зрение, слух и обоняние, сколько осязание. Для того, чтобы вполне узнать страну, необходимо ощупать ее вдоль и поперек подошвами своих сапог. В путешествии количество виданного всегда обратно пропорционально количеству истраченного и съеденного" (ИРЛИ).

¹⁰⁸ 91 Бою быков Волошин посвятил статью "Бой быков. Севилья. Июль 1901" (газета "Русский Туркестан". 1901. 19 августа. № 156. С. 1-3).

¹⁰⁹ 92 О пребывании на Майорке Волошин написал в двух статьях: "По глухим местам Испании. Вальдемоса" и "Cartusa de Valdemosa"¹⁰⁹ Картезианский монастырь в Вальдемосе (исп.)

(Места Жорж Занд и Шопена) (ИРЛИ). Волошин и его спутники пробыли на Майорке с 18 июня по 2 июля. Отплыв из города Пальма в Испанию, Волошин посетил там Барселону, Валенсию, Малагу, Севилью, Кордову, Толедо, Мадрид.

встреча для Бальмонта значительна. Но из его слов нельзя было представить себе живого Макса, ни внешности его, ни даже возраста.

Я жила тогда в Москве со своей двухлетней девочкой Ниной¹¹⁰. От наших знакомых (не близких), вернувшихся тогда из Парижа, я слышала об их впечатлениях от Макса. Они встречали его вместе с Бальмонтом и давали мне понять, что общество Макса очень нежелательно для Бальмонта: Макс водит Бальмонта по ночным кабакам и спаивает его¹¹¹. В общем, мне советовали сделать все возможное, чтобы спасти Бальмонта от такого приятеля.

Курьезно, что в то же время в Париже одна русская старушка писательница, очень любившая Макса, Александра Васильевна Гельштейн¹¹², у которой собирались французские художники и поэты, не позволила Максиму привести к ней своего нового друга Бальмонта, этого декадента и кутилу, и, любя Макса, в свою очередь, изыскивала способы спасти его от этой опасной дружбы. Несколько лет спустя Александра Васильевна познакомилась с Бальмонтом и горячо привязалась к нему. Подружившись впоследствии с ней, мы много смеялись, вспоминая, как мы собирались спасти: она - Макса, я Бальмонта от дружбы, которая им обоим дала очень много.

Срок возвращения Бальмонта из заграничной ссылки кончился в мае. Бальмонт очень тосковал по России, и я, под влиянием его писем и слухов о его парижской жизни, стала хлопотать о его скорейшем возвращении. Съездила в Петербург, заручилась там рекомендательным письмом к Лопухину¹¹³, подала ему прошение, и вскоре Бальмонт получил разрешение вернуться в Россию¹¹⁴ и написал мне, что Макс едет в Москву и будет у меня раньше его.

Как-то раз я пошла отворить дверь няне с моей девочкой, возвратившейся с прогулки. К своему удивлению, я увидела Нину на руках у какого-то чужого человека. В первую минуту я испугалась, что с девочкой что-то случилось, так как знала, что добровольно она ни за что не пошла бы на руки к незнакомому, да еще такого странного вида: маленький, толстый, в длинном студенческом зеленом пальто, очень потертом, с черными, вместо золотых, пуговицами, в мягкой широкополой фетровой шляпе. Он ловким мягким движением поставил девочку на пол, снял шляпу, тряхнул кудрявой головой и, поправив пенсне, подошел ко мне близко, робко и вместе с тем как-то твердо смотря мне в глаза, сказал: "Вы - Екатерина Алексеевна, я из Парижа, привез вам привет от Константина. С Ниникой я уже познакомился - Волошин"¹¹⁵.

Это Волошин! Вот уж не таким представляла я его себе! Его молодое открытое лицо,

¹¹⁰ 93 Дочь К. Д. Бальмонта - Нина Константиновна Бальмонт (в замужестве Бруни, р. 1901).

¹¹¹ 94 К. Бальмонт страдал запоями, Волошин же всегда был равнодушен к алкоголю.

¹¹² 95 Гельштейн Александра Васильевна (1850-1937) - участница народовольческих кружков, политэмигрантка, переводчица и писательница (псевдоним Баулер). Имела большое влияние на Волошина, познакомила его со многими деятелями французской культуры. Волошин посвятил А. В. Гельштейн, стихотворение "Старые письма" (1904), цикл "Алтари в пустыне" (1909), стихотворение "Весна" (1915).

¹¹³ Лопухин Алексей Александрович - в то время директор департамента полиции.

¹¹⁴ 96 В 1902 году К. Бальмонт вынужден был уехать за границу. За публичное чтение своей сатиры на Николая II "Маленький султан" (в марте 1901 г.) поэт подвергся обыску и запрещению жить в столицах, губернских и университетских городах в течение трех лет. В июне 1901 г. он уехал в Сабынино Курской губернии, где прожил до марта 1902 г., после чего и уехал за границу. Вернулся К. Бальмонт в Россию в январе 1903 г.

¹¹⁵ 97 Знакомство Волошина с Е. А. Бальмонт и ее дочерью относится, по-видимому, к 1903 г.

сияющие сдержанной улыбкой глаза, крепкое ласковое пожатие маленькой руки - мне ужасно все понравилось в нем. "Кто это Аморя? Похож он на меня? - спросил он, входя в комнату. - Когда я нес Нинику (меня тоже поразило, что он знал ее имя) по лестнице, я у ее няни спросил, где вы живете, и таким образом узнал, что это Ниника, - она пристально посмотрела мне в лицо и сказала: "Это не Аморя?"¹¹⁶

Я засмеялась: "Так Нина называет мою племянницу Маргариту Васильевну". - "А что же между нами общего?" - "Не знаю, разве белокурые вьющиеся волосы", - сказала я.

Макс просидел у меня несколько часов. Прочел по первой моей просьбе свои стихи "Ти-та-та, та-та-та", только что написанные в вагоне, если я не ошибаюсь, по дороге в Россию. Мою девочку, которую я хотела удалить, он просил оставить. "Дети никогда не мешают", - сказал он. И действительно, на этот раз Ниника не мешала, она уселась Макс на колени и прослушала много стихов - его и Бальмонта - и переводы Макса из Верхарна. На мои осторожные вопросы о Бальмонте Макс отвечал охотно, с горячим чувством к нему и восхищением его стихами. Я спросила его обиняком: правда ли, что Бальмонт изменил своей всегдашней привычке и обращает ночь в день? Макс очень спокойно сказал, что Бальмонт все так же полдня проводит в библиотеке и читает до вечера. А не спит только, когда на него находит его беспокойное состояние. "А такие ночи вы проводили вместе?" - спросила я, стараясь, чтобы мой вопрос прозвучал возможно естественнее. "Разумеется, его в такое время нельзя оставлять одного, Вы, верно, это знаете". И он это сказал так просто и искренне, что я уже не сомневалась, что слухи, дошедшие до меня, ложны.

Когда потом, много позже, я видела, как Макс, всегда трезвый, ночью, иногда до утра, сопровождал Бальмонта в его скитаниях, заботливо охраняя его от столкновений и скандалов на улице или в ресторане, приводил его или в дом, или к себе, - я поняла, что так было с самого начала их знакомства. И Бальмонт, раздражавшийся на всех во время своих болезненных состояний и выводивший из себя самых близких ему людей, вызывая их своей запальчивостью на ссору, чуть ли не на драку, - никогда не злился на Макса, насколько я знаю. Скорей он избегал в такие моменты оставаться с ним.

В ту зиму Макс бывал у меня очень часто, познакомился у меня с Маргаритой Васильевной, смотрел, как она писала с меня портрет, неудавшийся и заброшенный ею "именно потому, что Макс смотрел", - поддразнивала она его. Они часто встречались у меня и оба возились с Ниникой, которая обожала их обоих и как-то всегда соединяла их в своем чувстве. Они играли с ней, смеялись, но между собой мало говорили. "Разве с Максом можно говорить серьезно?" - сказала как-то Маргарита Васильевна. "Я, по-вашему, не серьезный человек?" - обиделся Макс. "И не серьезный и уж конечно не человек". - "Кто же я?" - "Вы ребенок и... чудо", - шепотом сказала она мне.

Макс был очарован талантом в живописи Маргариты Васильевны. Он побывал в ее семье и видел ее две крупные работы: автопортрет маслом - поясной - и портрет ее кухни¹¹⁷: девушка на балконе в старинном розовом платье с букетиком синих первоцветов в руке.

Макс познакомил нас в ту зиму с Борисовым-Мусатовым, впервые тогда привезшим свои картины в Москву¹¹⁸. И нас поразило сходство его картин с вещами Маргариты Васильевны, сходство, о котором нам раньше говорил Макс. Маргарита Васильевна не знала тогда, у кого ей учиться: московские художники, у которых она занималась, не нравились ей, и Макс настойчиво убеждал ее ехать учиться в Париж.

¹¹⁶ Аморя (от лат. amor - любовь) - так в кругу близких называли Маргариту Сабашникову.

¹¹⁷ Иванова Анна Николаевна (1877-1939).

¹¹⁸ 98 Ошибка: художник В. Э. Борисов-Мусатов (1870- 1905) - москвич. Он был вхож в семью Сабашниковых, и Волошина познакомилась с ним, по-видимому, Маргарита Васильевна.

К весне Бальмонт вернулся из Парижа, и тогда Макс уже посещал нас ежедневно. Он перезнакомился за эту зиму со всеми поэтами: Брюсовым, Балтрушайтисом, Андреем Белым, с Сергеем Поляковым¹¹⁹ и "Грифом"¹²⁰. Если собирались не у нас, то мы все встречались у кого-нибудь из общих друзей. Макс всюду был желанным гостем. Его всюду заставляли читать свои стихи, что он делал всегда с огромным и нескрываемым удовольствием. К поэтам он вообще относился с совсем особенным чувством благоговейного восторга. Сам он в их обществе ступенчивался, слушая их с глубочайшим вниманием. А если высказывал свои мысли, то всегда очень независимо, тоном мягким, но решительным. Тогда он не прибегал еще так часто к парадоксам, которыми позднее любил поражать своих собеседников.

В Москве увлечение Максом не проходило. Один Брюсов находил, что "мода" на Макса длится слишком долго, и, вначале одобрив его и обласкав, вдруг стал обращаться с ним свысока. Меня поражало, что Макс как будто не замечал этой перемены тона и был с ним, как и с другими "мэтрами".

Мы много говорили с Максом о его новых знакомых, я рассказывала о поэтах, которых хорошо знала, о их семейных и литературных делах; Макс слушал очень внимательно - редко кто умел так слушать, как он, - иногда отмечал какую-то мелочь в моем рассказе и радовался ей, так как она завершала художественный образ того или иного поэта, но никогда никого не судил и не осуждал - ни разу за все долгие годы нашей дружбы с ним. Он любил знакомиться с людьми, кто бы они ни были, и никогда не отказывался пойти туда, куда его звали. Когда я спрашивала: "Макс, хотите пойти..." - он, не дослушивая, куда именно, отвечал: "Очень хочу". Так же, когда ему предлагали что-нибудь съесть: "Не хотите ли..." - Макс торопливо отвечал: "Все хочу". Если совпадали два приглашения в один вечер, он устраивался так, чтобы попасть на оба вечера. И огорчался, когда в буржуазных домах находили, что прийти к ним после 12-ти часов ночи - поздно.

В то же время он не изменял своей первой любви к Нинике, которой шел 3-й год. Когда Бальмонт и я были заняты, он приходил прямо к ней в детскую, садился на ковер (у них не было принято здороваться), и начиналась возня. Макс ползал на четвереньках и рычал, Нина садилась к нему на спину, держась за его волосы - "гриву льва". Когда она той весной заболела, никто лучше Макса не умел уговорить ее принять лекарство. Когда Макс с ней не играл, он рассказывал ей сказки и истории своего сочинения. Говорил он с ней совсем так же, как говорил со взрослыми, внимательно выслушивал ее и возражал ей.

Как-то раз на одном из наших вторников было мало поэтов, и Макс, из вежливости посидев с гостями в столовой, ушел рядом в детскую, захватив с собой несколько апельсинов. Я пошла за ним: "Нинике нельзя есть апельсины". Мы были уже в детской. "Как мы будем играть?" - встретила его Нина. "В мячики, - ответил Макс. - Будем бросать их туда, - он открыл дверь в столовую. - В какого дяденьку хочешь?" - "В того", - показала Нина неопределенно, и один апельсин полетел в Гайдебурова, другой - в Скитальца, третий она сама покатила в столовую. Макс затворил дверь, и началась другая игра. Года через два, в конце 1905 года, мы поехали с Бальмонтом жить в Париж, где уже, по настоянию Макса, жила Маргарита Васильевна и работала в художественной мастерской Жульена. Мы хотели поселиться поблизости от нее, но Латинский квартал был переполнен, и мы долго не могли найти себе комнат. Макс помогал нам всячески, он брал к себе в мастерскую Нинику или бегал со мной в поисках квартиры. Наконец мы напали на одну, очень нам подходящую. Но хозяйка этого пансиона, пожилая и очень чопорная дама, разговаривая со мной, все косилась на Макса и вдруг отказала мне решительно сдать комнаты. "Вам не подойдет, у нас буржуазные порядки, у нас рано ложатся спать" и пр. Макс, видя мое отчаяние, что и это помещение срывается, стал убеждать хозяйку на своем "замечательном" французском языке:

¹¹⁹ Поляков Сергей Александрович (1874-1943) - переводчик, математик, редактор журнала "Весы".

¹²⁰ Соколов Сергей Алексеевич (1878-1936) - поэт (псевдоним Кречетов), владелец издательства "Гриф".

Макс говорил свободно и с недурным произношением, но путал члены и всегда вместо "Le" говорил "La" и наоборот¹²¹. Французы, особенно простолюдины, не понимали его, и вообще с его французским языком было много курьезов. Хозяйка пансиона не слушала его. "М-г Ваш муж?" - спросила она меня. "Нет, друг моего мужа". - "Но это невозможно!" На другой день я пошла к ней со своей девочкой просить приютить нас хоть на время. Она согласилась, и мы прожили у нее два года и очень сблизилась с ней. Она была полька, жившая в Париже, умная и образованная женщина. Она очень заинтересовалась Максом, когда познакомилась с ним ближе, и созналась мне, что не хотела пускать нас к себе из-за "se drole de bonhomme"¹²². Он поразил ее своим странным видом. Несмотря на свой опыт, она не знала, к какому разряду людей его отнести. Все в нем казалось ей непонятным и противоречивым, она даже не верила, что он поэт, как м-г Valmont: "Слишком у него пронизательный взгляд. Художник, а одет так безвкусно!" Макс ходил в широких бархатных брюках, как носили тогда рабочие, и при этом - в модных жилетах и пиджаках, а поверх надевал вместо пальто накидку с капюшоном и цилиндр. "Похож на доброго ребенка, но есть что-то и от шарлатана и магнетизера". На это я ей сказала, что у Макса действительно есть магнетическая сила, он наложением рук излечивал нервные боли, что я и многие мои знакомые испытывали на себе. После того как он однажды, рассматривая ладони нашей хозяйки, стал полусхоту говорить о ее характере и ее прошлом "вещи, которые никто-никто не знал", - она убедилась, что Макс - человек необычайный, на самом деле оригинал, и притом искренний и правдивый, что ее больше всего удивляло.

Макс часто бывал у нас, и мы у него. Он жил недалеко от нас на улице Эдгара Кинэ¹²³. Ниника любила особенно бывать у Макса без меня. "Что же ты делала, рисовала?" - спрашивала я ее, когда Макс приводил ее домой. "Нет, не успела, мы играли". У них были свои разговоры, свои секреты. Раз, помню, мы пили чай у Макса. Он положил передо мной мое любимое печенье, перед Ниной другое. Но Нина загадочно сказала: "Хочу, чтобы эти были мои". Макс моментально вскочил и, не надевая шляпы, сел на велосипед и укатил. Через несколько минут он вернулся с большим пакетом этого печенья и сказал Нине: "Это будет твоим". Сверток был так велик, что Нина его еле удерживала в руках. Макс ушел с ней за перегородку, они пошептались, затем Нина появилась красная и взволнованная и не спускала глаз с головы Таиах¹²⁴, в которую Макс, как оказалось потом, опустил печенье. Раздобыть его оттуда была длинная процедура: Нина влезала на плечи к Максиму и оттуда доставала "свое" печенье. И этот запас никогда не истощался, так как Макс возобновлял его. Через много лет Нина уверяла, что в голове Таиах всегда лежали пуды печенья.

Надо заметить, что печенье это по Максиму карману было очень дорогое. Но Макс никогда не задумывался тратить деньги на других. Себе он мог отказать во всем, и без усилия. Денег у него всегда было в обрез. В лавках он брал в долг. И его поставщики верили ему, так как он расплачивался - для русского - необычайно аккуратно. Как только он получал деньги, тотчас же бежал расплачиваться со своими кредиторами. И иногда им же

¹²¹ 99 Думается, это недоразумение, основанное на том, что Волошин называл свою мать "Le mere", пользуясь артиклем мужского рода и тем самым подчеркивая в шутку ее мужественность.

¹²² Этот чудака (франц.).

¹²³ 100 В Париже на бульваре Эдгара Кинэ (в доме № 16) Волошин жил с 5 октября 1905 г. по 20 мая 1906 г.

¹²⁴ 101 Таиах - жена фараона Аменхотепа III, жившая в XV веке до н. э. "Голова Таиах" - гипсовый слепок с древнеегипетской скульптуры, приобретенный Волошиным в берлинском музее по пути в Париж. Этот слепок украшал парижскую мастерскую Волошина, а затем - его дом в Коктебеле. Волошин впервые увидел слепок с головы Таиах (копию скульптуры) в парижском музее Гиме летом 1904 года, и эта скульптура поразила его сходством с М. В. Сабашниковой, к которой в то время он испытывал глубокое чувство (см.: Купченко В. Муза меняет имя? - Советский музей. 1985. № 3).

приходилось уговаривать его оставить себе хотя бы 10-15 франков. Когда у него просили займы, он никогда не отказывал, давал с восторгом и вообще делился всем, что у него было, - и не от избытка своего. Как бы трудно ему ни жилось, он ни в чем не менялся, никогда не жаловался. Многие думали, что он беззаботен и легкомыслен, потому что ему не о чем страдать. Обмануть его ничего не стоило. Недобросовестные лавочники и консьержки пользовались его доверчивостью. Я как-то заметила Макс, что у него очень беспорядочно и пыльно стало в мастерской "Моей консьержке трудно убирать хорошо, так как она приходит ко мне поздно ночью и боится шуметь, когда я сплю", оправдывал он ее. Я сказала ему, что никогда француженка не будет работать после 8-ми часов вечера и что она просто не приходит к нему, а берет с него до роже за ночную якобы работу. Это вскоре и подтвердилось, и Макс очень удивился моей прозорливости. Я вмешалась в это дело и нашла ему другую "менажку"¹²⁵. Старая взбесилась, и я слышала, как она раз сказала нищему, пришедшему за всегдашним своим подаянием к Макс: M-r Макса нет дома, а здесь сейчас хозяйничает его тетка - без него Вы ничего не получите. "Celle-la n'est pas une artiste!"¹²⁶ - сказала она ему, показывая на меня глазами.

И не только деньги давал Макс охотно, но время свое и силы. Он выслушивал стихи начинающих поэтов. Помню, как одна молоденькая девушка читала ему свою трагедию в 5-ти актах в продолжение долгих часов.

Отношение Макса к моей девочке совсем не было исключительным. Макс познакомил нас с Амфитеатровыми, у которых был сын Буба возраста моей девочки. Мы часто ездили к ним на виллу Монморанси, где дети играли в саду. Бубе Макс тоже уделял много внимания. Когда Макс бывал там, он выдумывал игры для детей, чтобы отвлечь их от нас, матерей. Так раз, помню, дети долго и тихо занимались одни, к нашему удивлению. Оказалось, что Макс вооружил их палками, посадил верхом на огромных сенбернардов, дремавших в передней Амфитеатровых, и уверил их, что они - конная стража, охраняют лестницу, и обещал приз тому, кто дольше просидит.

Когда Нине подарили акварельные краски, она забросила черные и разноцветные карандаши и малевала исключительно красками фантастические цветы и райских птиц с длинными хвостами, которые не помещались на листе писчей бумаги. Я не давала ей больших листов. Макс, восхищавшийся подбором красок в перьях этих хвостов, советовал мне не стеснять ее, вообще предоставить ей полную свободу, воздержаться от всяких замечаний, поправок и т. д. Он тотчас же принес ей большие листы слоновой бумаги и, так как они не помещались на нашем столе, прикрепил их к комоду, а Нина влезла на стул и малевала хвосты райских птиц и свои гигантские цветы. Она дарила свои рисунки только Макс, и он должен был (по ее требованию) убирать их вместе со своими, а когда Нина приходила к нему в мастерскую, она проверяла - на месте ли рисунки. Через 2 - 3 года размеры ее картин сократились, и она стала рисовать крошечные картинки, которые можно было рассматривать чуть ли не в лупу. И я вспоминала, как Макс говорил, что "художники бывают непонятно причудливы".

Весной того же года Макс женился в Москве на Маргарите Васильевне Сабашниковой, вернулся с ней в Париж на полгода и затем уехал вместе с ней жить в Россию. Ту зиму их отсутствия я прожила в их квартире на rue Singer¹²⁷. Летом 1909 года Макс вернулся уже один в Париж. Он путешествовал на велосипеде по Франции, ездил по берегу Луары¹²⁸ и

¹²⁵ От французского "femme de menage" - приходящая работница.

¹²⁶ Это вам не артистка (франц.).

¹²⁷ Улица Сэнже (франц.).

¹²⁸ 102 Волошин путешествовал по берегу Луары в июле 1908 г.

заехал к нам на берег моря в Ла Боль, где мы проводили с Бальмонтом лето. У нас гостила тогда Татьяна Алексеевна Полиевктова¹²⁹ со своими тремя дочками - 10, 12 и 13-ти лет. Макс тотчас же подружился с ними. Ни одна прогулка детей уже не обходилась без него, они купались вместе, и дома все "четыре жены" "Синей бороды", как он называл себя, не отходили от него.

Я знала, что Макс переживал тогда очень тяжелое для него время. Но никто этого не замечал, так как он был весел и внимателен к другим, как всегда. Вообще, я никогда не видала человека более ровного в отношениях с людьми - я уже не говорю о друзьях. После нескольких лет разлуки Макс встречал Бальмонта и меня так, как будто мы виделись вчера. Поссорить Макса с кем-либо было мудрено, я думаю - просто невозможно. На него не действовали ни наговоры, ни интриги. Сплетен он не терпел, и при нем они умолкали сами собой.

Максу пришлось ехать с тремя девочками Полиевктовыми в Париж, где они провели вместе несколько дней. Макс водил своих "жен" в Лувр, катал их в Булонском лесу, учил стряпать французские блюда, и смех, и веселье не прекращались. Вечером, когда надо было идти спать и дети не хотели уходить, Макс сажал каждую девочку на простыню, завязывал в узел и уносил ее по крутой лестнице в их комнату.

До сих пор (они все три - уже матери семейств) их лучезарное впечатление от пребывания в Париже неразрывно связано с Максом...

В Париже дружба с Ниникой продолжалась. Мы остались жить в Пасси, Макс переехал в Латинский квартал, и мы видались не так часто. Вспоминается мне один смешной эпизод из этого времени. Я жаловалась Максу, что Нина стала нервна и капризна, "Где она, твоя капризка?" - строго спросил Макс, надвигаясь на Нину. "Она вот там", - сказала Нина, нисколько не испугавшись, и показала на большой Максин диван, который стоял у нас в передней рядом с большой корзиной. Эти две вещи не проходили в дверь наших комнат. Скоро диван увезли - "вместе с капризкой", - сказал Макс. Потом оказалось, что "капризка" осталась у нас. "Она в корзине", - уверяла Нина. В корзину эту Нина влезала и играла в ней часами. Наконец Максины друзья, жившие на той же улице, что и мы, согласились взять эту корзину. Только ее некому было отнести туда. Макс предложил это сделать. Ниника подняла крик, она не хотела расставаться со своим "домом". Макс убеждал ее, что отнесет корзину вместе с "капризкой" к ее друзьям, детям, к которым переселится "капризка", Но Нина залезла в корзину и не хотела выходить. Тогда Макс завязал ремни, взвалил огромную корзину вместе с Ниной на спину и понес ее вниз по улице, несмотря на вопли перепуганной Нины. Из лавочек выглядывали любопытные. Принеся корзину, Макс выпустил Нину из нее только тогда, когда она уверила его, что оставит "капризку" в корзине. Моя дочь до сих пор помнит, какое потрясающее впечатление произвел на нее этот случай и свирепая решительность Макса.

Макс вообще был очень силен физически. Он говорил, что вся сила его сосредоточена у него во лбу. Если он толкал кого-нибудь лбом в спину, этот человек не мог устоять на ногах. Как-то раз надо было срочно вызвать Бальмонта из его комнаты - он читал, сидя в своем кресле, и медлил идти Макс подошел к нему сзади и лбом выдвинул кресло с читающим в нем Бальмонтом в другую комнату.

На прогулках Макс был неутомим. Он водил нас - своих гостей - большой компанией по окрестностям Парижа: Версаль, Фонтенбло и др., которые знал очень хорошо и исходил вдоль и поперек. Он всегда шел впереди всех, один, очень быстро, всегда без дорог, и врзался в чащу, чтобы выйти "кратчайшим путем" (этот "кратчайший путь" вошел у всех знакомых Макса в поговорку), часто водил нас совсем без дорог, и мы плутали часами. Все ворчали, отставали от Макса, и обыкновенно компания таяла.

¹²⁹ 103 Полиевктова Татьяна Алексеевна (урожд. Орешникова, 1877-ок. 1962) сестра Веры Алексеевны Зайцевой - жены писателя Бориса Константиновича Зайцева.

Особенно запомнилась одна прогулка в Венсенский лес, когда мы, следуя за Максом, углубились в лес и не могли выйти из него часа три. Стало совершенно темно, и мы поняли, что Макс сбился с дороги и сам не знает, куда идти, куда нас вести. Макс обращал наше внимание на гигантские размеры деревьев, на заросли кругом. Кто-то заметил, что это, верно, та непроходимая часть леса, где прячутся грабители и апаши. Один русский молодой ученый, всю жизнь свою просидевший за книгами и никогда не видавший настоящего леса, затрясся от страха, две молодые девушки заплакали... Макс нас утешал: "Бродяги и грабители не сидят ночью в лесу, они выходят на улицы на свой промысел. А как бы интересна была такая встреча!" Мы возмутились, а Макс кротко защищался: опасности никакой не было, так как нас много (нас было человек 8-10), а мы получили бы новое впечатление.

Наконец мы вышли на тропинку, которая привела нас на шоссе, бегом догнали последний поезд, уходящий в Париж. Мы вернулись около часу ночи, усталые, злые, голодные, и все ругали Макса. А он, сконфуженный, бегал от одного кабачка в другой, умоляя хозяев пустить нас закусить. Но перед нашими носами опускали железные шторы на окнах и дверях ресторанчиков, и хозяева добродушно показывали на циферблат часов, где стрелка показывала час ночи.

Тогда Елена Сергеевна Кругликова предложила идти к ней в мастерскую, где Макс, тотчас же успокоившись, весело стал варить жженку.

Во время войны мы застряли в России. Макс переселился на нашу парижскую квартиру в Пасси, где жил тогда Бальмонт¹³⁰. Мы увидались с ним лишь в 17-м году в Москве. Тогда Нинике минуло 16 лет. Макс встретился с ней так, как будто этих трех лет не было. У меня тогда начались первые недоразумения с дочерью. Я говорила о них Макс, советовалась, как мне с нею быть: Нина плохо учится в школе, не рисует, хочет бросить музыку, протестует против всего, что исходит от меня. Макс слушал меня, как всегда, внимательно и участливо. "Вечный роман матери с ребенком", - произнес он с грустью и горечью, которой я в нем до сих пор не слыхала. "Я думаю, - прибавил он, что в таких недоразумениях всегда виноваты родители. Они недостаточно знают и уважают своих детей. Матери не подозревают, как они мучают детей своей любовью". - "Что же я могу сделать, чтобы ее не мучить?" - спросила я. "Ей хочется освободиться от Вас, ну и освободите ее, пусть делает, что она сама знает". Я просила Макса повлиять на Нину, хотя бы в том, чтобы она не бросала рисования и музыки. "Нет, - сказал Макс, - влиять я не умею и не хочу. Да это и не нужно. Предоставьте ее себе, и она найдет себя".

Февральские дни мы проводили с Максом в Москве. Радостные и возбужденные ходили с толпой по улицам, вечера проводили на собраниях у знакомых. Нина не ходила в школу, в чем Макс ее поддерживал; она бегала с ним по Москве, забиралась на грузовики, ездила в тюрьмы освободить заключенных и с восторгом говорила, что Макс один понимает по-настоящему, что такое свобода.

Маргарита Сабашникова ИЗ КНИГИ "ЗЕЛЕНАЯ ЗМЕЯ"

Впечатления переполняли мою душу, я торопилась поделиться с мадам Бальмонт¹³¹. Она с радостью сообщила: поэт и художник Макс Волошин, ее парижский друг, - только что приехал в Москву. Уже сегодня - сегодня - я увижу его. Вечером - в картинной галерее

¹³⁰ 104 Первую половину 1915 года Волошин жил в Париже вместе с К. Бальмонтом в его квартире на улице де ла Тур.

¹³¹ Тетка М. Сабашниковой - Екатерина Алексеевна Бальмонт.